

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81`372
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.18

С. Н. Бредихин
 Т. Р. Котиева

ТРАНСЛЯЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЦЕПТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В данной статье проанализированы основные дилеммы, с которыми сталкивается переводчик в процессе работы с текстами, эксплицирующими виртуальный художественный мир, созданный на основе социокультурных спецификаторов исходной лингвокультуры. Рассмотрены различные способы переводческого преобразования текста в эстетическом и прагматическом аспекте, выявлены факторы, осложняющие работу с текстом, проанализированы способы решения переводческих дилемм на примере перевода отрывков известных фантазийных произведений. Авторы поднимают вопрос целесообразности культурной адаптации текста оригинала к реалиям реципиента. В частности, рассматривается перевод и адаптация имён собственных в переводящем языке.

Данная статья представляет собой обзор базовых дилемм, с которыми начинающий переводчик может столкнуться в профессиональной деятельности, не обладая достаточным уровнем развития соответствующих компетенций для успешного решения коммуникативной задачи. В качестве примеров и были отобраны отрывки из известных произведений в жанре фантазии, в которых представлен вымышленный виртуальный мир, исторически не связанный с реальным, что, однако, не исключает необходимости наличия социокультурных

фоновых знаний; рассмотрена игра слов и способы её трансляции; исследуется специфика трансляции имен собственных; на репрезентативных примерах анализируются стилистические, лексические и грамматические трансформации при переводе. Стилистический аспект в трансляции виртуальных художественных миров признается базовым в рамках сохранения исходного перлокутивного эффекта. Трансляция стилистических средств выразительности при воссоздании виртуального мира осуществляется с применением описательного перевода, что влечет усложнение синтаксических конструкций целевого текста. Наиболее эффективным приёмом является сохранение тема-рематических связей исходного текста, что ведет к нейтрализации стилистических компонентов. В качестве приемов трансляции дивидуально-авторских онимов, создающих виртуальное пространство, в процессе реализации адекватного перлокутивного эффекта избираются транскрипция и транслитерация с сохранением авторской специфики, должного уровня адекватности позволяет достичь калькирование при условии сохранения внешней формы онима и его эмфатической специфики.

Ключевые слова: перевод, перлокутивный эффект, игра слов, просторечие, экспрессивность, эмотивность, функциональность текста, виртуальный мир.

Sergey Bredikhin
 Tamara Kotieva

TRANSLATION OF VIRTUAL FICTION WORLDS IN THE ASPECT OF RECEPTIVE COMPETENCE DEVELOPMENT

This article offers an analysis of the main dilemmas that the translator has to face while working with texts that explicate the virtual fiction world based on the socio-cultural specifiers of the original language culture. There is a view offered on various methods of translating texts within the aesthetic and pragmatic aspects; there have been certain factors identified, which complicate work with a text, as well as some solutions analyzed that related to translation dilemmas, based on the example of translated excerpts taken from well-known fantasy works. The authors raise the issue of the reason for cultural adaptation of the original text in view of the recipient's realities, namely, the translation and adaptation of proper names in the target language is viewed.

This article is an overview of the basic dilemmas that an inexperienced translator may face through their professional activities, while having no sufficient level of

respective competencies that would allow resolving the communication issue successfully. The examples are based on excerpts from well-known works belonging to the genre of fantasy, which represent a fictional virtual world that features no historic relation to the real one, which fact, however, does not exclude the need for socio-cultural background knowledge; there is also a view on wordplay offered as well as on ways to translate it; besides, there is specifics of proper names translation examined; representative examples are employed to analyze stylistic, lexical and grammatical transformations in translation.

The stylistic aspect in the translation of virtual fiction worlds is considered to be basic within the framework of preserving the original perlocutionary effect. Translation of stylistic means of expression when creating a virtual world is performed through descriptive translation, which entails

complication of the syntactic constructions of the target text. The most effective technique in this case is to preserve the themy-rheme connections of the source text, which leads to the neutralization of stylistic components. As a technique to deliver the author's individual onyms, which create a virtual space, the process of implementing due perlocutionary effect employs transcription and transliteration, at the same

Введение в проблематику. В своей практике, как при межъязыковой, так и кросскультурной интеракции, переводчик неизбежно сталкивается с рядом особенностей, которые порождают определённые проблемы в процессе интерпретации оригинальных текстовых пространств в инокультурном представлении. Для достижения адекватного перлокутивного эффекта целевого текста необходимо знать о различные рода трудностях заранее, ознакомиться с ними и выработать определённые навыки в рамках формируемых профессиональных компетенций. Объектом настоящего исследования послужили механизмы трансляции компонентов прецедентных виртуальных миров в фэнтезийных произведениях на английском языке. Специфические способы трансляции, применяемые в данном виде перевода, а также приёмы, используемые для решения непростых ситуаций вербализации инокультурных и виртуальных смыслов, составляют предмет нашего исследования.

Целью данной статьи является анализ специфических переводческих дилемм при аккультурации особым единицам виртуального фэнтезийного мира, основанного на базовых компонентах английской культурной традиции, а также рассмотрение проблем достижения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта в целевом тексте, и вопросов формирования должного уровня профессиональной компетенции (начинающих) переводчиков.

Виртуальность фэнтезийного мира в отличие от других художественных миров достаточно четко прослеживается в главном принципе его создания, а именно – свободного динамического моделирования прогностики разворачивания событий и построения специфического хронотопа. Данное пространство-время весьма близко к мифологическому самоорганизующемуся времени – здесь и сейчас, вне зависимости от времени интерпретации рецепируемого текста. Психо-эмотивная же сложность и парадигматическая нелинейность создания каузативной локализации виртуального фэнтезийного мира имеет весьма жесткую привязку не только к индивидуальной ассоциативной сети автора, но к концептуально-валерной системе лингвокультурного сообщества, что позволяет распределить смысл именно в той «схеме действия», которую закладывает сам автор. Именно на основании данной специфики рецептивные навыки переводчика-интерпретатора становятся ключевыми в рамках создания адек-

time preserving the author's specifics, while the proper level of adequacy is reached through translation loans, provided the outer form of the onym and its emphatic features are preserved.

Key words: translation, perlocution effect, language game, vernacular, expressiveness, emotiveness, text functionality, virtual world.

ватного произведения на языке принимающей лингвокультуры, – транслировать необходимо не только вербалику, но и последовательность шагов распределения смысла и вживания в виртуальный мир.

При подобном понимании интенсификации пространственно-временных компонентов семиозиса восприятие, вживание, понимание и дальнейшая интерпретация выступают как одновременно и неразрывные процессы, составляющие рецептивную деятельность транслятора. И трансляция здесь должна толковаться уже не просто в качестве межъязыковой и межкультурной трансгрессии (стирания границы для создания адекватного текста), но в качестве трансплантации (внедрения «схем действия» автора как интимизированных читателем, т.е. переводчик просто «обязан» пройти тот же самый путь в повторном опредмечивании смысла исходного мира в целевом тексте).

Методология анализа и теоретические основания формирования рецептивной компетенции. В качестве наиболее релевантных для анализа переводческих дилемм и трансформационных процессов аккультурации в нашем исследовании были избраны следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ, герменевтические методы интерпретации и интроспекции. В качестве специальных переводоведческих методов использованы элементы критического анализа перевода, который, в свою очередь, является комплексным филологическим методом, состоящим из сочетания литературоведческих и лингвистических методов: компаративного, типологического, трансформационного, стилистического анализа.

Согласно Л. С. Бархударову, перевод можно определить как «результат такого процесса, в котором появляется новое речевое произведение, новый текст, возникший на переводящем языке. Теория перевода как раз занимается таким текстом и его соотношением с исходным оригиналом. Цель перевода заключается в том, чтобы как можно ближе познакомить человека, не знающего какого-либо языка, с заданным текстом на этом языке» [2, с. 9].

Для цельности передачи оригинального текста необходим выбор способа информационной упорядоченности текста, таковым является метод перевода. С. А. Королькова отмечает, что в реальной профессиональной ситуации переводчик имеет дело с текстом, чьи типологические,

стилистические и жанровые особенности детерминируют стратегию перевода, выбор метода и приёмов перевода. Необходимо точное знание вида, который должен приобрести оригинальный текст после того, как будет подвергнут обработке работающим с ним переводчиком [9, с. 321].

Актуальной является проблема отсутствия единого метода полноценной передачи текста при переводе. Мартин Лютер был одним из первых в Германии, кто в своей работе «Письма переводчика» затронул данную тему. В своих переводах он использовал множество переводческих трансформаций: изменение порядка слов, при отсутствии эквивалентов замену описательным переводом некоторых лексем, дополнение текста, избегая потери метафорической формы вербализации, создавая новые трансформированные или применяя имеющиеся в языке перевода метафоричные выражения и т.п. [5, с. 54–61].

Отсутствие таких профессиональных программ подготовки преподавателей переводческих дисциплин, а не самих переводчиков, в масштабах глобального образовательного пространства создаёт ряд сложностей для студентов-переводчиков, в основном это касается синтеза необходимых знаний, выработки навыков в рамках формирования профессиональных компетенций должного уровня. Обучение переводу тесно сопряжено с интеграцией теоретических, методических и дидактических подходов, поскольку поиск эффективных решений переводческих проблем может быть оптимизирован благодаря масштабности профессиональной коммуникации переводчиков. Процесс поиска эффективных переводческих решений, выбор подходящих преобразований и преодоление переводческих проблем можно облегчить во многом с помощью интенсивных научных дискуссии [12, с. 78].

Фридрих Шлейермахер отмечает, что способ перевода находится в сильной зависимости от характера оригинального текста. В разных областях коммуникации (оригинальные) тексты весьма многообразны в жанрово-стилистической оценке и способе актуализации виртуальных художественных миров, что позволяет предполагать необходимость различных методов их трансляции, учитывающих реалии языка оригинала и языковой системы, в рамках которой осуществляется создание целевого текста. Основной целью при этом остается полнота передачи плана содержания оригинала, но с максимальным сохранением уникального почерка автора, метафоричности и литературных троп в целом [10, с. 192]. О.И. Уланович также отмечает, что полнота переводческого понимания оригинала измерима посредством количественного сопоставления массива предметных и эмоциональных значений, присутствующих в тексте оригинала и переданных в тексте перевода. Это есть понимание и интерпретация

в поле общекультурных и индивидуальных значений, материально воплощаемое в полноте фиксации в переводе всех объектов, явлений и их признаков, указанных в оригинале [18, с. 79].

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что за переводимыми словами стоят совершенно разные миры, а задачей переводчика является перевод не только слов, а миров, которые никогда не связаны так близко, как при переводе. По ее мнению, от качества перевода зависит уровень национального языка и культуры, повышаемый или понижаемый в зависимости от качества переводных материалов, от чего зависит будущее нации [16, с. 18]. В силу разнообразия и сложности общей систематизации, языковые переводческие трудности следует разделить на две категории: «очевидные» и «скрытые». К числу первых С.Г. Тер-Минасова относит такие структурные особенности, как:

- 1) отличия, которые объясняются особенностями грамматического строя конкретных языковых систем;
- 2) разница в орфографии и фонетике исходной и переводящей системы кодирования.

К числу вторых – объём значения сопоставляемых единиц, их стилистические коннотации, лексико-фразеологическую сочетаемость, а также феномен «ложных друзей переводчика». Также важно отметить, что наряду с упомянутыми выше, частотны внеязыковые трудности, которые несут социокультурный характер, так как они осложняют процесс преобразования текста в инокультурной системе с полным сохранением его смысловой нагрузки. Их также необходимо учитывать, чтобы перевод соответствовал принципам адекватности и достигал достаточного уровня эквивалентности. Отметим такие компоненты, как: псевдотермины, квазилексика, авторские сноски, перевод имён собственных, комментарии редакторов, сохранение или компенсация игры слов в переводе, безэквивалентная лексика (требующая особого погружения в контекст), а также «обманчивая эквивалентность», которая появляется как следствие воздействия нескольких социокультурных факторов, и др. [17, с. 14].

В. Н. Карапухина отмечает, что лингвоаксиологическая макростратегия адаптации выявляет возможности варьирования при межъязыковой коммуникации семантической категории пространства (как текстового, так и культурного). Биполяльность данной макростратегии (адаптация / отстранение) обусловлена необходимостью для переводчика либо полной аккультурации текста оригинала в культуру языка перевода, либо, наоборот, достижения эффекта «инокультурности» переводимого текста. Автор определяет адаптацию текста как «перемещение текста оригинала на другую территорию (reterritorialization, annexation) или же как “натурализацию” текста

перевода, направленную на естественное восприятие текста перевода в условиях другого языка и другой культуры» [6, с. 185].

Переводческие дилеммы и эффективные решения в рамках достижения адекватности целевого текста. Рассмотрим некоторые типы переводческих дилемм и проанализируем пути их наиболее эффективного преодоления.

В качестве ключевых принципов обеспечения адекватности целевого текста можно обозначить достижение функциональности одного порядка в сравнении с оригиналом. Особенностью прагматических отношений при переводе заключается в обязательной прагматической ориентированности на оригинальный текст, соответствии функций переведенного текста источнику, ориентированности на участников коммуникативного акта. Проблема «непереводимого в переводе» продолжает оставаться одной из наиболее острых переводческих проблем. Говоря о причинах возникновения данного феномена, следует отметить, что сущность проблемы состоит не только в естественной неидентичности структуры разных языков, но и в большом количестве способов концептуализации мира, которые отличаются не только в различных языковых системах, но в том числе и в специфике национальных культур, которые могут значительно варьироваться даже в рамках одного языка (культуры США, Англии, Австралии и Шотландии значительно отличаются несмотря на то, что жители этих стран говорят на одном языке – английском).

В теории перевода перлокутивным эффектом текста принято считать производимый им коммуникативный эффект (влияние текста на рецептора перевода и реакция рецептора на содержание). Из этого следует, что способ сохранения прагматического воздействия оригинала, которое будет адекватно исходному, в переведенном тексте становится одной из дилемм переводческой деятельности.

В качестве примера приведём одну из шуток, которая была популярна в Великобритании: *Мужчина с опозданием приходит на похороны и спрашивает: «Am I late?», на что немедленно получает ответ: «Not you, sir. She is».*

Английское слово «late» означает и «поздний», и «покойный». Следовательно, в данном примере герой спрашивает: «Я опоздал?» За этим следует ответ: «Нет, сэр, покойник не вы, а она». Шутка построена на языковой игре с полисемичностью лексемы late, но учет вертикального контекста (ситуации порождаемой фразы реплики) актуализирует амфиболию эксплицируемых компонентов смысла в дифференциальных ноэматических пластах в процессе конкретизации общего содержания [3, с. 74].

Передача плана содержания и воспроизведение соответствующего перлокутивного эффекта на реципиента представляют собой невероятно

важную, а также одну из наиболее сложных задач, с которыми сталкивается в своей практике переводчик. Рассмотрим способы решения ситуаций, когда начинающий практикующий переводчик сталкивается с игрой слов. В данном фрагменте текста её можно опустить, при этом, восполнив, делая акцент на другом слове или словосочетании, используя, таким образом, либо приём компенсации, либо приём добавления.

С другой стороны, всегда есть возможность последовать примеру большинства переводчиков – поставить своё примечание с характерной пометкой «здесь использована игра слов». В случае применения последнего варианта, начинающему переводчику следует понимать, что возможна потеря характерного колорита исходного текста. Кроме того, слишком частое использование сносок и примечаний сильно отвлекает читателя от погружения в текст, разрушая атмосферу, создаваемую автором, а также перевод, следовательно, не реализует адекватную оригинальному рецептовому произведению силу воздействия.

Вариативность трансляции и формирование рецептивной компетенции. Важной составляющей работы переводчика является развитие чувствительности к направленности текста, поэтому следует оттачивать владение различными средствами как исходного (ИЯ), так и переводящего языка (ПЯ). Но сама рецептивная компетенция представляется ключевой ещё и в аспекте интенциональной (осознанной) рефлексии над поверхностными и глубинными структурами текстовой реальности, не только к подлинному герменевтическому пониманию (распредмечиванию смысла), но и как способность к интенсификации инициальных компонентов в не коррелирующих концептуально-валерных системах, способность нивелировки субъектно-объектной асимметрии в трансляции точек бифуркации виртуальных и реальных художественных миров исходной и переводящей лингвокультуры. Кроме того, решающее значение имеет выработка необходимых навыков, практика посредством выполнения специальных упражнений, обогащение фоновых знаний в области литературы, истории, культуры и т. д., быстрая реакция для сохранения интенсифицируемых автором аллюзий в игре слов. При наличии в тексте упомянутого приёма, как показывает практика, редко встречаются языковые совпадения.

М. Е. Коровкина также считает, что кроме знаний ИЯ и ПЯ, владения технической стороной перевода (способностью к переключению с одного языка на другой и девербализацией/ревербализацией инварианта смысла), переводчик должен располагать знаниями о внеязыковой действительности [8, с. 19].

Игра слов. Целесообразно отметить, что невозможно указать все случаи употребления игры слов и вывести для них единые эквиваленты на

языке перевода, чтобы полностью подготовить человека к таким явлениям, которые могут встретиться в его профессиональной практике. Какую последовательность действий предпринять переводчиков в случае потери смысла игры слов? Делать акцент на слове *late* необязательно, можно обыграть ситуацию на русском языке или подобрать выражение, которое можно внедрить в контекст похорон. Например:

– *Всё кончено?*

– *Не для вас, сэр. Для неё.*

Возможен также следующий вариант:

– *Я опоздал? Мне крышка...*

– *Не вам, сэр – только ей.*

На примере диалоговых единств из компьютерной игры «Undertale» можно проследить случаи использования игры слов, в частности, в речи персонажей, изображенных скелетами. Как правило, игра слов не изменяет общий смысл текста, но она является средством создания атмосферы развлечения и тесно связана с символикой произведения. Также данный элемент более подробно раскрывает характер созданного персонажа. Рассмотрим конкретные примеры, приведем возможный перевод:

1) – *How did I know where you would go next?*

– *Oh, I felt it in my bones!* [22].

– *Как ты понял, куда идти?*

– **Нутром почувствовал!**

– **Сердце подсказало!** (перевод авторов).

Так как внутренние органы у скелетов отсутствуют, элемент юмора при подобном варианте не сохраняется, или же переходит в разряд ситуативного юмора. Для сохранения авторской игры в аспекте учета визуального ряда необходима трансформация собственного русского лингвокультурного фразеологизма «до мозга костей» и внедрение его в неузуальный контекст: *Я почувствовал это мозгом костей!* (перевод авторов).

2) – *My brother always works himself down to the bone!* [22].

Выражение «*down to the bone*» часто используется в значении «основательно», «на совесть», но в контексте игры используется именно для передачи характерной для персонажа шутки, поэтому можно использовать следующие варианты перевода:

– *Мой брат всегда выкладывает до мозга костей!* (перевод авторов).

3) – *Why don't skeletons fight each other?*

– *They don't have the guts* [22].

Выражение «*Somebody doesn't have the guts*» переводится как «не хватает мужества», «не хватает смелости», «не хватает духа». Последний вариант перевода четко отображает характер героя, передает значение шутки, при этом, существует более близкое к оригиналу выражение, основанное на лексеме «guts» (кишки):

– *Почему скелеты не дерутся друг с другом?*

– *У них кишка тонка!* (перевод авторов).

В качестве примеров успешного решения коммуникативной задачи рассмотрим реплику, при переводе которой использовались элементы добавления:

4) – *Have you seen my brother? I have a bone to pick with him* [22].

– *Ты не видел моего брата? У меня к нему срочное дело. Это вопрос жизни и смерти!* (перевод авторов).

В некоторых случаях реплика претерпевает целостное преобразование, на основе изменения сферы источника в метафоризации, как это было сделано в вышеуказанном примере, – английский фразеологизм *to have a bone to pick with smb.* – «иметь счёты с кем-либо», трансформировался в обоюдозначимый «*вопрос жизни и смерти*», при этом эффект тематической игры слов был сохранен. Сходная ситуация наблюдается в следующих примерах:

5) – *Skulls are always lonely because they have no body* [22].

– *Почему у скелета нет друзей? Он им все кому перемывает!* (перевод авторов).

6) – *All skeletons love playing trombone* [22].

– *Если скелет чего-то захотел, то он за это дело костями ляжет!* (перевод авторов).

– *What do skeletons say before they begin dining?* **Bone-Appetit!** [22].

– *Чем скелет покрывает свою крышу? Черепицей!* (перевод авторов).

Таким образом, трансформируя игровые аспекты высказываний в виртуальном художественном пространстве с целью локализовать его, адаптируя к принимающей лингвокультуре, необходимо тщательно изучить интраигровой горизонтальный и вертикальный контекст, аудиальные, визуальные и символические коды интенсификации компонентов содержания [3, с. 74].

Жанрово-стилистическая детерминация. Следующей дилеммой, решение которой оказывает значительное влияние на обеспечение адекватного перлокутивного эффекта целевого текста, является приведение в относительное соответствие нормативных, стилевых и типологических различий в ИЯ и ПЯ. Стилистическая задача перевода состоит в поиске лексических и грамматических вариантов, обусловленных общей направленностью оригинала и его жанровой принадлежностью, а также соблюдением норм, существующих для соответствующих разновидностей текстов в переводящем языке.

Стандарты оформления литературных текстов могут отличаться по причине разного строя языка. Так, в аналитическом английском уместно множественное повторение таких лексем перцептивно-коммуникативного маркирования как «*said*», «*thought*», «*asked*», имён персонажей при оформлении диалогов в художественном произведении. В свою очередь, в синтетическом русском языке

повторы данной лексики будет восприниматься как тавтология, во избежание которой обычно используют синонимичные единицы, заменяют слово на тире или вовсе опускают его.

Жанровые особенности текста напрямую влияют на его оформление. Так, для художественных произведений в английском языке привычно оформлять прямую речь персонажей в кавычках, не делить на абзацы реплики разных героев. Однако в процессе перевода материала на русский язык зачастую оформление адаптируют в более знакомом русскоязычному реципиенту виде, выделяя прямую речь при помощи тире, а мысли героев оформляя в скобках, либо делая их частью статичного описания состояния персонажа. Таким образом, фоно-графическое оформление текстового пространства представляется одним из наиболее значимых в аспекте создания адекватного перлокутивного эффекта [4].

«*Will this be enough?*», **asked** Eragon. Sloan picked up the stone and gauged its weight speculatively. «*It's pretty, but how much is it worth?*», he **asked**. «*I don't know*», **admitted** Eragon, «*but no one would have gone to the trouble of shaping it unless it had some value*». «*Obviously*», **said** Sloan with exaggerated patience. «*But how much value? Since you don't know, I suggest that you find a trader who does, or take my offer of three crowns*». «*That's a miser's bargain!*» **thought** Eragon [19, с. 7].

«– Ну что, этого хватит?»

Слоан взял камень в руки и с сомнением взвесил на ладони. Потом потрогал пальцем белые прожилки на гладкой поверхности, поцокал языком, положил синий самоцвет на прилавок и заявил:

– Красивый камешек! Вот только понятия не имею, сколько он может стоить.

– И я тоже, – **признался** Эрагон. – Только вряд ли кто-то стал бы над ним трудиться, полцирковать его и всё такое, если б он ни гроша не стоил.

– Так-то оно так, – **протянул** Слоан, – да только хотелось бы всё же его настоящую цену узнать. А раз ты сам её не знаешь, так найди такого торговца, который смог бы тебе это сказать. А не найдешь, я тебе за него больше трех крон никак дать не смогу.

«Но это же нечестно!» [13, с. 9].

В отдельных случаях могут возникнуть трудности перевода из-за структурных различий в лексике, синтаксисе и супrasegmentных элементов, которые различны в двух конкретных языках. Например, если персонаж иностранец или говорит на диалекте, то вся речь представляет собой отклонение от литературной нормы, в первую очередь на фонетическом уровне. Приведем пример внедрения в речевой портрет персонажа ирландского говора. Если в тексте, изначально представленном на русском языке, герой, по задумке автора, говорящий на английском, упоминает, что он ирландец, то при переводе на англий-

ский язык нужно обладать достаточным багажом фоновых знаний о распространенных способах репрезентации особенностей ирландского английского.

Передать его можно несколькими способами: если говорить о фоно-графическом уровне (выражение фонетики при помощи орфографии), то можно заметить следующие распространенные модификации: появление звука [ʃ], в лексемах, в которых он отсутствует в стандарте: *purlite* (*polite*); звук [d], как правило, заменяется звуком [dʒ]: *wid* (*with*), а звук [o:] – на [a:]: *infarm* (*inform*) и т. д.

На словообразовательном уровне: *a forty-pinny* (*a piano*), *a widdy* (*a widow*), *a sofy* (*a sofa*), *to percave* (*to perceive*) и т. д.

Звуки [ʌ], [e] заменяются на звук [ɪ]: *sind* (*send*), *jist* (*just*), (*love*-)*litter* (*love-letter*), *nixt* (*next*), *whither* (*whether*);

Звук [f] заменяется на [θ]: *misthress* (*mistress*), *inthroduction* (*introduction*);

Звук [i:] заменяется на [a]: *swate* (*sweet*), *crature* (*creature*), *rason* (*reason*).

На лексико-фразеологическом уровне в тексте оригинала встречаются как ирландские слова и выражения (*abog-throtter*, *aspalpeen*, *thetipo'themornin' toye*), так и разговорные слова и выражения, не имеющие отношения к диалекту.

При переводе на словообразовательном уровне можно использовать следующие способы «опросторечивания» речи персонажа, однако, необходимо подчеркнуть, что в данном случае неизбежна потеря этно-национальной специфики оригинального текста:

1) суффиксальный:

а) уменьшительные суффиксы (разговорная речь, в особенности просторечие, богата словами, образованными данным способом): *окошко* (*a windy*), *французик* (*the little Frenchman*), *лапка* (*a littlef lipper*) *диванчик* (*a sofy*), *крошка* (*a swate little crature*), *ангельчик/ангелочек* (*a swate little angel*), *вдовушка* (*a widdy*), и др.;

б) суффиксы *-ива/-ыва-*: ...*какого свет не видывал* (*nor iver was seen*), *не слыхивал* (*never was known before upon arth*);

2) приставочный:

а) приставки *раз-/рас-*: *сейчас все как есть толком разобьясню* (*I'm going to give you the good rasan*), *распрекрасный* (*the beautifullest*), *такой-рассякой* (*a bogthrotting son of a bloody noun*);

б) приставки *на-* и *по-*: *попозже, назавтра* (*the nixt mornin'*), *подарила (улыбку)* (*she gived me such a swate smile*) и др.

Для усиления перлокутивного эффекта зачастую применяются разговорные частицы *-то* и *-ка*: *я-то (знаю)*, *дело-то (нехитрое)*, *ну-ка (подойди)* и т. п.

В переводе часто встречаются неполные предложения, – поскольку эллипсы в сознании русскоязычного реципиента маркируют просторечие (хотя и в меньшей степени чем для англоязычного читателя, привыкшего к жесткому порядку слов и наличию формальных подлежащих и сказуемых в нормативном предложении):

'Why, are yer back a'ready!' – *Нукак уже возратилась?*

'Am Ah t' light yer a little fire?' – *Может, чутка подтопить?*

Также используются преднамеренные искажения слов для демонстрации низкой образованности: *мусью (Mounseer)*, *фордыбьяно (a forty-pinny)*, аналогично могут маркироваться гендерные и возрастные характеристики персонажей: дети в период гиперкорректности, выучив одно слово или усвоив один маркер грамматической категории, стараются употребить его при формообразовании других слов, либо ошибочно считая их однокоренными, либо следуя усвоенной модели деривации: *eggzplore – explore*.

Идиостиль и интенциональность: проблемы сохранения. Одной из главных трудностей при переводе художественной литературы является сохранение особенностей идиостиля автора оригинального текста, репрезентируемого в образных средствах, структуре предложений, способе повествования. Из-за различий в строе ИЯ и ПЯ переводчику предстоит сложная работа по полноценной интерпретации текста без потери индивидуальных особенностей авторского стиля [11, с. 127].

При работе с художественными текстами перед переводчиком стоит важная задача – распознание и правильная передача экспрессии оригинального произведения. Перевод стилистических приемов является весьма сложной задачей не только для новичков, но и для профессиональных переводчиков.

Джон Толкин в произведении «Сильмариллион» комбинирует художественные приёмы с различными типами повествования и стилем изложения, характерным для текстов древних мифов и легенд, а местами – Библии, но без явных аллюзий или экивоков к её сюжетам. Таким образом, для идиостиля Дж. Р. Толкина на лексико-синтаксическом уровне характерно наличие предложений, избыточно инвертированной последовательностью слов. В случае с произведениями, претендующими на историческую достоверность или текстами в жанре фэнтези, инверсия нередко применяется для создания эффекта старинных текстов, позволяя замедлить темп повествования и подражать архаичной манере речи, придавая ощутимую торжественность фразам персонажей.

В творчестве Джона Толкина самым распространенным приёмом является перенос в начало фразы обстоятельства, дополнения. Таким обра-

зом, откладывается момент введения ключевой информации, т.е. сегментация актуального членения предложения. При таком типе инверсии автор создаёт атмосферу таинственности. Например:

«To Melkor among the Ainur had been given the greatest gifts of power and knowledge, and he had a share in all the gifts of his brethren» [21, с. 12].

В данном случае подлежащее (*«the gifts of power and knowledge»*) было вынесено автором и поставлено после сказуемого с дополнением, равно как стилистически маркирована и инициальная позиция логически дативного дополнения *to Melkor among the Ainur* в пассивном предложении, т.е. бенефактор в начале предложения придает всей фразе атмосферу возвышенности.

Для сохранения авторского почерка при стилистической инверсии в переводе также может быть сохранен оригинальный порядок слов: *And the inner fire of the Silmarils Fëanor made of the blended light* [21, с. 63]. – *Внутренним огнем Сильмариллов Феанор создал всеблагой свет*, но чаще всего переводчику приходится прибегать к перестановкам. Это обусловлено различием тема-рематической организации предложения в английском и русском языках. Так, в русском языке, в отличие от английского, тема, т.е. второстепенная информация, чаще всего ставится на первое место, а рема – в конец. Таким образом, для передачи инвертированного порядка слов зачастую применяются перестановки, выноса сказуемого перед подлежащим. В качестве примера приведем предложение *«Long they dwelt in their first home»* [21, с. 36], которое было переведено как *«Долго жили они в первом своём доме»*.

Топонимика и ономастика виртуального мира в транслаторике. Следующей дилеммой при переводе является трансляция собственных имен для передачи хронотопических компонентов оригинального виртуального художественного пространства. Переводческая теория, как правило, придерживается принципа применения преобразования транслитерации при переводе ономастикона, однако могут возникнуть ситуации, когда автор изначально вложил определённую смысловую нагрузку в имя героя или героини. Наиболее красочно вопрос о переводимости имён собственных демонстрирует роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер». Серия этих книг, особенно первые части, предназначены преимущественно для детского чтения, и характеризуются относительно простым стилем повествования, напоминающим сказочный дискурс. Редактору в таком случае обязательно следует учитывать читательский адрес издания. Используемые автором оригинального текста «говорящие» имена собственные можно перевести на русский язык с помощью транслитерации, калькирования и контекстуального перевода.

Оригинальный текст «Гарри Поттера» нравится многим, а вот перевод спровоцировал настоящий скандал среди поклонников. В частности, перевод издательства «Махаон», выполненный Марией Спивак. Дело в том, что в оригинале Джоан Роулинг использует «говорящие» имена и фамилии, которые раскрывают сущность героев или, как минимум, намекают на их характер. В переводе И. Оранского в большей мере акцент сделан на транскрипцию и транслитерацию, что объясняется тем, что переводчик руководствовался главным образом своим субъективным мнением, и старался оставить имена героев максимально благозвучными. Для этого он выбрал способ транскрипции, который казался наиболее подходящим. Однако нельзя не подчеркнуть, что ввиду применения подобных приёмов переводческих модификаций (в нашем случае – транскрибирование) имена персонажей и названия некоторых предметов практически полностью

лишились оригинальной смысловой нагрузки. Из текста были изъяты намёки, колоритные аллюзии и нужные для создания определённых впечатлений ассоциации, которые в совокупности важны для целевой аудитории текста, то есть, в данном случае – детской сказки, для маленьких детей, которые первоначально и являлись целевой аудиторией произведения.

М. Спивак постаралась максимально адаптировать текст оригинала для восприятия русскоязычной аудиторией, поддерживая детскую и лёгкую атмосферу со сказочно-нелепыми, смешными именами и названиями, напоминающими читателю сказку, т. е. максимально эффективно транслирующими виртуальный художественный мир.

Рассмотрим несколько примеров, сопоставив оригинальное звучание, перевод И. Оранского (издательство «Росмэн»), и М. Спивак (издательство «Махаон»).

Оригинал	«Росмэн»	«Махаон»
1. Alastor «Mad-Eye» Moody	Аластор «Грозный Глаз» Грюм	Аластор «Шизоглаз» Хмури
2. Crookshanks	Живоглот	Косолапус
3. Rememberall	Напоминалка	Вспомнивсёль
4. WhompingWillow	Гремучая Ива	Дракучая Ива
5. Voldemort	Волан-де-морт	Вольдемор

Слово «*Moody*» можно перевести как «*хмурый, угрюмый*», что хорошо адаптировано в обоих переводах, слово же «*mad*» (*безумный, сумасшедший, чокнутый*) в переводе Марии Спивак («*Шизоглаз*») более близко к оригиналу и хорошо подходит созданному автором оригинального текста образу персонажа. Таким образом, Мария Спивак в данном случае справилась с передачей оригинального значения лучше как в переводе фамилии героя, так и его прозвища.

Во втором примере, безусловно, «*Живоглот*» звучит более грозно, но вариант «*Косолапус*» или «*Косолап*» предельно приближен к оригиналу, а значит исходная интенция автора по передаче внешних признаков героя потенциально реализует большую степень адекватности перлокутивного эффекта.

«*Вспомнивсёль*» и визуально, и по звучанию приближен к оригинальной лексической единице, введённой Джоан Роулинг, хотя при сравнении обобщенного содержания двух переводов, «*напоминалка*» нельзя назвать менее удачной адаптацией.

В последнем из приведённых примеров оба перевода значительно отдалены от оригинала, судя по всему, по той причине, что лексема «*whomp*» является звукоподражательной – обозначает рассеивание воздуха при резком ударе, и у некоторых авторов переводится как «*Хлоп*». «*Гремучая Ива*» звучит возвышенно и приемлемо для русскоязычного читателя, М. Спивак же

решила дать название, исходя из действий, которые производит ива по сюжету – дерётся, отсюда «*Дракучая Ива*».

Имя главного антагониста – *Voldemort* – И. Оранский разбил на три части, создавая у русскоязычного читателя ассоциации с воплощением образа дьявола в отечественном романе М. Булгакова «*Мастер и Маргарита*», Воландом. Приставка «*де*» была характерна для аристократов, таким образом, статус этого персонажа так же актуализирует более высокую социальную роль и положение, чем у остальных героев произведения. М. Спивак же, в силу того, что имя злодея никаких аллюзий не содержит, передала его на русский язык при помощи транслитерации, добавив только палатализацию – Вольдемор.

Однако в отдельных случаях существует проблема, заключающаяся в отсутствии возможности повторить на языке перевода стилистический прием, использованный в оригинальном тексте. В таких случаях переводчик сталкивается с необходимостью замены оригинального стилистического средства на аналогичное, достигая таким способом того эмоционального эффекта, которого добивался автор. Этот метод принято называть стилистической компенсацией.

На следующем примере можно наглядно проследить, как из текста исчезла забавная ситуация, связанная с неадаптированным именем героя на примере персонажа *Oliver Wood*:

«Excuse me, Professor Flitwick, could I borrow Wood for a moment?» – «Wood?» thought Harry, bewildered; was Wood a cane she was going to use on him? But Wood turned out to be a person [20, с. 93].

– Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чем? Мне нужен Вуд.

«Вуд?» – Гарри передернуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. – Это ещё что такое?» Вуд оказался человеком [14, с. 66].

И. Оранский выбрал проверенный прием – сохранение звуковой оболочки, но абсолютную потерю глубинного аллюзивного содержания: «Оливер Вуд», именно по данной причине исчезло предложение оригинального текста при переводе, таким образом, использование генерализации в данном случае не является вполне оправданным приемом.

Мария Спивак же адаптировала имя этого героя и постаралась максимально передать комичность ситуации:

– Прошу прощения, профессор Флитвик, можно мне Древа? На минутку?

«Древо?» – в панике подумал Гарри; – это что, какая-нибудь палка, которой меня побьют?» Но Древо оказалось человеком [15, с. 66].

Примечательным является отсутствие на данный момент в теории перевода точного и единого определения такого приёма, как стилистическая компенсация. Исходя из предложенных на сегодняшний день дефиниций, можно отметить в этом аспекте воззрения выдающегося учёного Л. С. Бархударова, который описывал стилистическую компенсацию как приём, который «применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста ИЯ по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ и не могут быть переданы его средствами. В этих случаях, чтобы восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица ИЯ осталась непереведенной или не полностью переведенной (не во всем объёме своего значения), переводчик передаёт ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [2, с. 229]. В. Н. Комиссаров, однако, утверждает, что переводческая трансформация компенсации сводится к тому, что работающий с текстом переводчик, «не сумев избежать утраты какого-либо стилистического или смыслового элемента, в дальнейшем воспроизводит аналогичный элемент либо в другом слове, либо в другом фрагменте текста, тогда как в оригинале его в этом слове или участке текста попусту нет» [7, с. 215].

Достичь высокого уровня адекватности и эквивалентности целевого текста также можно, подобрав на переводящем языке лексему, находящуюся в таком же ассоциативном поле, что оригинальное слово. Таким образом, перлокутив-

ный эффект, оказываемый переводом, оказывается равным оригиналу, так как вызываемые у читателя мысли и образы одинаковы.

Для верной передачи одного стилистического приёма переводчику может понадобиться обращение к стилистическому строю оригинала в целом, выделение особенности в структуре повествования всего текста и подбор подходящей фигуры речи на ПЯ. Таким образом, достигается стилистическое соответствие, важное для достижения адекватности перевода [1, с. 184].

Также переводчик может столкнуться с определенными сложностями при переводе текстов, содержащих прецизионную лексику. Так как прецизионные слова во всех контекстах имеют одно и то же значение, они требуют особого внимания при трансляции актуального компонента. При работе с такими единицами перевода важно знать не только денотативные значения, но и их иноязычные эквиваленты.

В результате проведенного исследования по рассмотрению следующих аспектов процесса перевода: лингвистического, социокультурного, прагматического, нормативного и культурологического, можно сделать вывод о равнозначности и невозможности нивелировки какого-либо из них в рамках повышения качества целевого текста. Также выделенные аспекты формируют систему факторов, важных для полноценной передачи переводом содержания, прагматического значения и стилистики оригинального текста.

На реализацию перлокутивного эффекта влияет множество факторов, в том числе и социально-культурные различия реципиентов оригинального и переводного текстов. Поэтому в процессе перевода происходит не только интерпретация содержания с одного языка на другой, но и взаимодействие разных национально-культурных сфер.

Успешный процесс перевода зависит от учета межкультурных различий носителей языка, т.е. от полноценности прагматического значения целевого текста в сравнении с оригиналом. Важно сделать перевод максимально приближенным к оригиналу, избегая злоупотребления передачей собственных аллюзивных содержаний, уводящих реципиента далеко от той мысли, которая закладывалась в исходном фрагменте текста. В то же время, некоторые ситуации требуют разъяснения от переводчика. Возникающие трудности перевода типичны, но их характер может иметь много особенностей, именно по этой причине процесс выведения универсальной модели перевода и способы формирования профессиональных переводческих компетенций сильно усложняются.

Каждый перевод может быть выигрышным в силу подхода к переводу, постановки цели, учета жанра текста, индивидуального стиля автора. Данные аспекты порождают сложное многообразие, которое, действительно, трудно поддается членению и освоению, при этом постоянное

совершенствование навыков, подготовленность, наличие фоновых знаний об особенностях, могут помочь создать качественный текст перевода.

Особого внимания требует стилистический аспект в трансляции виртуальных художественных миров произведения, что способствует сохранению заложенного автором перлокутивного эффекта. Однако чрезмерная русификация индивидуально-авторских конструкций приводит к потере заложенных в них коммуникативных интенций автора по погружению потенциального реципиента в условия иномирного восприятия. Трансляция стилистических средств выразительности зачастую происходит при помощи описательного перевода из-за отсутствия в русском

языке полных эквивалентов, что влечет за собой перегруз текста синтаксическими конструкциями. При переводе стилистических конструкций наиболее эффективным приёмом является сохранение синтаксической структуры текста и его тема-рема-тических связей, что зачастую обуславливает нейтрализацию стилистических компонентов. Наиболее эффективными способами перевода индивидуально-авторских онимов, создающих виртуальное пространство, являются транскрипция и транслитерация с сохранением авторской специфики. Прием калькирования также может оказаться уместным в некоторых случаях трансляции, если позволяет сохранить внешнюю форму онима и его эмфатическую специфику.

Литература

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Стереотип, 2019. 240 с.
3. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 70–76.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Ю. И. Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фоно-графической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 28–36.
5. Горбачевская С. И. Актуальные вопросы прагматики перевода // Россия и Запад: Диалог культур. Вып. 15. Ч. III. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2010. С. 54–61.
6. Карпухина В. Н. Ключевые лингвоаксиологические макростратегии перевода романа Б. Акунина «Азазель» на английский язык // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 184–192.
7. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
8. Коровкина М. Е. Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 3. С. 17–31.
9. Королькова С. А. Когнитивная структура алгоритма письменного перевода // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 319–328.
10. Латышев Л. К., Семёнов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. 192 с.
11. Мазирка И. О. Перевод как диалог культур: проблема фоновых знаний // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. С. 127–134.
12. Новикова Э. Ю., Митягина В. А., Штефан В. Межвузовское международное сотрудничество: проектная деятельность в подготовке переводчиков // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 6. С. 75–85.
13. Паолини К. Эрагон. М.: Росмэн-пресс, 2017. 637 с.
14. Роулинг Дж. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. И. Оранский. М.: Росмэн, 2002. 399 с.
15. Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. с англ. М. Спивак. – М.: Махаон, 2013. 429 с.
16. Тер-Минасова С. Г. Проблемы перевода: mission impossible? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 9–18.
17. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.
18. Уланович О. И. Понимание оригинала при переводе: к вопросу о феноменологии явления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 78–87.
19. Paolini C. Eragon, Inheritance. New York: Knopf Books for Young Readers, 2005. 860 p.
20. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 1997. 196 p.
21. Tolkien J. R. R. Silmarillion. London: Harper Collins Publishers, 1992. 480 p.
22. Undertale / Toby Fox/ Fangamer, 2015 // STEAM. URL: <https://store.steampowered.com/app/391540/Undertale/> (Assecced: 15.01.2021)

References

1. Alekseeva I. S. Tekst i perevod. Voprosy teorii (Text and translation. Questions of theory). Moscow: International Relations, 2008. 184 p. (In Russian).
2. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda (Language and translation: Questions of general and particular theory of translation). Moscow: Stereotype, 2019. 240 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Leonov A. A. Transformatsii struktury kontsepta v protsesse lokalizatsii komp'yuternykh igr s elementami zhanra fentezi (Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2019. No. 1. P.70-76. (In Russian)
4. Bredikhin S. N., Pelevina Yu. I. Realizatsiya perloukutivnogo effekta v razlichayushchikhsya lingvokul'turakh (na materiale znakov fono-graficheskoy derivatsii) (Actualization of perlocution effect in differing linguocultures (on the material of phonographic derivation signs)) // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. No. 12. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. P. 28–36. (In Russian).

5. Gorbachevskaya S. I. Aktual'nye voprosy pragmatiki perevoda (Topical issues of translation pragmatics) // Rossiya i Zapad: Dialog kul'tur (Russia and the West: Dialogue of Cultures). Collection of articles of the XIII International Conference (26-28 November 2009). Issue. 15. Part III. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur, 2010. P. 54–61 (In Russian).
6. Karpukhina V. N. Klyuchevye lingvoaksiologicheskie makrostrategii perevoda romana B. Akunina «Azazel'» na angliyskiy yazyk (Key linguo-axiological macrostrategies of translation of B. Akunin's novel «Azazel» into English). Siberian Philological Journal. 2017. No. 1. P. 184-192. (In Russian)
7. Komissarov V. N. Slovo o perevode (A word about the translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973. 216 p. (In Russian)
8. Korovkina M. E. Ob interpretatsionnykh i kompetentnostnykh faktorakh perevoda (On interpretative and competence factors of translation) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2018. No. 3. P. 17–31. (In Russian).
9. Korolkova S. A. Kognitivnaya struktura algoritma pis'mennogo perevoda (Cognitive structure of the algorithm of written translation) // Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Comprehension. Skill). 2014. No. 3. P. 319–328. (In Russian).
10. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya (Translation: theory, practice and methodology of teaching). Moscow: Akademiya, 2003. 192 p. (In Russian).
11. Mazirka I. O. Perevod kak dialog kul'tur: problema fonovykh znaniy // Sotsiokul'turnye problemy perevoda (Translation as a dialogue of cultures: the problem of background knowledge) // Sotsiokul'turnye problemy perevoda. Voronezh: VSU publ., 2010. P. 127–134. (In Russian).
12. Novikova E.Yu., Mityagina V.A., Shtefan V. Mezhvuzovskoe mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: proektnaya deyatel'nost' v podgotovke perevodchikov (Interuniversity international cooperation: project activities in the training of translators) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. Vol. 28. No. 6. P. 75–85. (In Russian)/
13. Paolini K. Eragon. Moscow: Rosmen-press, 2017. 637 p. (In Russian).
14. Rowling J. Garri Potter i filosofskiy kamen' (Harry Potter and the philosopher's stone) / translated from English by I. Oransky. Moscow: Rosmen, 2002. 399 p. (In Russian).
15. Rowling J. Garri Potter i Volshebnyy kamen' (Harry Potter and the magical stone) / translated from English by M. Spivak. Moscow: Makhaon, 2013. 429 p. (In Russian).
16. Ter-Minasova S. G. Problemy perevoda: mission impossible? (Translation problems: mission impossible?) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. No. 2. P. – 9–18. (In Russian).
17. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur (War and the world of languages and cultures). Moscow: Slovo, 2008. 344 p. (In Russian).
18. Ulanovich O. I. Ponimanie originala pri perevode: k voprosu o fenomenologii yavleniya (Understanding the original in translation: on the question of the phenomenology of the phenomenon) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2015. No. 1 (33). P. 78–87. (In Russian).
19. Paolini C. Eragon, Inheritance. New York: Knopf Books for Young Readers, 2005. 860 p.
20. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 1997. 196 p.
21. Tolkien J. R. R. Silmarillion. London: Harper Collins Publishers, 1992. 480 p.
22. Undertale / Toby Fox/ Fangamer, 2015 // STEAM. URL: <https://store.steampowered.com/app/391540/Undertale/> (Accessed: 15.01.21).

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru
Котиева Тамара Рашидовна – преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарно-технического колледжа Ингушского государственного университета (Назрань) / toma.kotieva@mail.ru

Information about the authors

Bredikhin Sergey – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru
Kotieva Tamara – lecturer, Chair of Foreign Languages, Humanitarian and Technical College of Ingush State University (Nazran) / toma.kotieva@mail.ru